

Кондратий Биркин

Франциск Медичи, великий герцог тосканский

*Часть сборника
Временщички и фаворитки*

Кондратий Биркин
**Франциск Медичи,
великий герцог тосканский**

«Public Domain»

1870

Биркин К.

Франциск Медичи, великий герцог тосканский / К. Биркин — «Public Domain», 1870 — (Временщики и фаворитки)

ISBN 978-5-457-11417-3

«Четыре позорных пятна на памяти человека, достойного уважения потомства за свою пламенную любовь к наукам и покровительство изящным искусствам! Франциск Медичи имел бы полное право на прозвище Великого, если бы вместо политической сферы посвятил себя исключительно ученой или артистической деятельности...»

ISBN 978-5-457-11417-3

© Биркин К., 1870
© Public Domain, 1870

Кондратий Петрович Биркин Франциск Медичи, великий герцог тосканский

Антонио Сергуиди. – Бьянка Капелло. – Пьетро Бонавентури. – Витторио Капелло (1564–1587)

Четыре позорных пятна на памяти человека, достойного уважения потомства за свою пламенную любовь к наукам и покровительство изящным искусствам! Франциск Медичи имел бы полное право на прозвище Великого, если бы вместо политической сферы посвятил себя исключительно ученой или артистической деятельности.

Отец его, герцог тосканский Козьма I, утомленный делами правления, в 1564 году передал власть свою ему, Франциску, возлагая на способности последнего самые блестящие надежды. От природы умный, но не лишенный и порочных наклонностей, Франциск, воспитанный матерью – гордой и суеверной испанкой, с малых лет усвоил все ее недостатки. Недоверчивый, подозрительный, скрытный, Франциск Медичи мог назваться миниатюрной копией Филиппа II Испанского. Весь род человеческий он делил на два разряда, питая к одному ненависть, к другому презрение. Аристократия, по мнению Франциска, была опаснейшей и вредной кастой, а простой народ – глупым стадом, которое следует стричь догола и доить до крови. С подобными воззрениями, само собою, герцог с первых же дней своего воцарения навлек на себя всеобщее неудовольствие. С утра и до глубокой ночи проводя время в своем учебном кабинете или в алхимической лаборатории, Франциск уделял час-другой государственным делам, решая их вкривь и вкось, лишь бы только спустить их с плеч долой. Благо подданных, смягчение участи простого народа, искоренение злоупотреблений – над всеми этими вопросами Франциск никогда не задумывался; важнее всего герцога занимало разрешение задач алхимических, обретение философского камня, эликсира бессмертия и живой воды, способной возвращать жизнь усопшим. В дымной, загроможденной разными снарядами лаборатории Франциск неутомимо плавил металлы, вываривал эссенции, составлял тинктуры и даже пережигал в золу целые человеческие остовы. Эти занятия, сумасбродные в наше время, в тот век привлекали к себе внимание ученых и умнейших людей. Независимо от алхимии, своей любимой науки, Франциск вообще страстно любил естествознание: вел переписку с Петром Маттиоли, знаменитым переводчиком Диоскорида, и Улиссом Альдровандусом – итальянским Плинием... Альдо Мануччи, внук и наследник славного типографа, был также постоянным корреспондентом герцога Франциска Медичи. Скупой до скарденности, последний не жалел расходов каждый раз, когда дело шло о приобретении дорогого издания, ученого манускрипта, редкости естественной или художественного произведения. Оставляя без внимания просьбы своих подданных об оказании им милости или правосудия, герцог осыпал своими щедротами только ученых и художников; только для них и были постоянно открыты двери его приемной. Злые языки, намекая на коллекции естественной истории, собираемые герцогом, говорили:

– Государь наш поступает по словам Писания: мы просим у него хлеба, он дает камни; вместо рыбы подает нам змею!

Но вместе с камнями своего минералогического кабинета Франциск Медичи заботился о сооружении во Флоренции каменных зданий, доньне признаваемых чудесами тосканской архитектуры. Кроме многих дворцов, в столице построенных, он реставрировал падающую башню и крестильницу (*baptisteria*) в Пизе, украсил этот город новым мраморным собором и начертал новый план гавани в Ливорно... Все это было бы прекрасно, если бы в то же время народ не стонал от обременительных налогов, земледельцы не жаловались на чрез-

мерные поземельные подати, а купцы на стеснительные пошлины. Криводушие и взяточничество царили в судах. Завзятый злодей и уличенный преступник, имея более или менее значительное состояние, могли быть твердо уверены в снисходительности судей, принимавших во внимание исключительно карманные, смягчающие вину обстоятельства. При застое торговли, промышленности, при упадке земледелия, наконец, при нищете народной в царствование Франциска Медичи в Тоскане процветали разбои и грабежи. Шайки бандитов наводняли окрестности городов; мошенники чуть ли не среди бела дня грабили на улицах, вламывались в дома. В течение восемнадцати первых месяцев правления Франциска в одной только Флоренции было совершено до ста восьмидесяти шести убийств. При душегубствах простым народом руководила корысть, аристократией – всего чаще мстительность. Обманутый муж, не достаивая соперника вызовом на поединок, подкупал его слуг или нанимал убийц, и любовник погибал от яда или издыхал на улице зарезанный либо удушенный. С женою разделялся сам муж и за ее убийство даже не был привлекаем к ответу... Таковы были нравы и обычаи Тосканы во все время управления ею славными Медичи. Говорят, будто науки и изящные искусства смягчают и облагораживают нравы... Парадокс, опровергаемый многими страницами истории и, между прочими, итальянскими хрониками золотого века Медичи! Общественный разврат и упадок нравственности были даже в какой-то необъяснимой связи с процветанием тогда в Тоскане наук и художеств. Первые последним как будто служили тем же, чем служит смрадное удобрение роскошным и благоухающим цветам.

За девять лет до восшествия своего на герцогский престол Франциск Медичи по желанию отца своего Козьмы I сочетался браком с эрцгерцогинею австрийскою Хуаною. Некрасивая собою, не первой молодости, но умная и превосходно образованная, эрцгерцогиня с первого же дня свадьбы (16 декабря 1565 года) опротивела своему супругу, который предпочитал своей опочивальне и ласкам Хуаны свою алхимическую лабораторию и беседы с учеными и шарлатанами, выдававшими себя за обладателей великого секрета превращения металлов. Хуана могла бы мстить мужу, избрав в среде придворных любовника, но для подобного мщения она была слишком некрасива наружно и слишком чиста нравственно. Единственной отрадою бедной покинутой жены были занятия науками и покровительство ученым. Последние считали за особенное счастье, если герцогиня разрешала им посвящать свои произведения ее высокому имени, и, сказать по правде, ученое сочинение, посвященное царственной особе, прославляет ее во сто крат более, нежели льстивая ода какого-нибудь пиита за деньги или за подарочки, всегда способного переименовать Нерона в Тита, а Мессалину в Семирамиду. Любовь к наукам должна была бы, казалось, сблизить Франциска Медичи с супругою, но даже и в этой сфере они не сходились. В первые годы супружества герцог оправдывал свое равнодушие к жене антипатиею; впоследствии извинял свое охлаждение к ней ее продолжительным бесплодием... Главною же и единственною причиною ненависти герцога к его супруге была его любовница – знаменитая Бьянка Капелло.

Чтобы выставить в нашем биографическом очерке эту личность в ее настоящем свете, мы были принуждены перебрать несколько сочинений старинных и новейших, в которых рассказано о знаменитой Бьянке. Поэты и романтики окаймили эту хорошенькую головку светлой ореолой и превознесли до высоты героини. Писатели менее пристрастные признали Бьянку Капелло за ловкую пройдоху, искательницу приключений, немножко воровку, немножко убийцу – вообще же за очень антипатичную особу. Из этих двух мнений об одном и том же лице мы именно выбрали последнее как правдивейшее. Если читателю попадет в руки биография Бьянки Капелло, в которой с первых же строк о ней говорится с выгодной стороны, он может не продолжать своего чтения, если только не придерживается пословицы: не любо – не слушай, а лгать не мешай!

Бьянка родилась в Венеции в 1545 году. Отец ее Бартоломео Капелло, управляющий коммерческим банком Сальвиати, принадлежал к знатной фамилии, родственной Гримани, патриарху Аквилеи, доводившемуся Бьянке родным дядею. Бартоломео женился рано и, прожив с женою лет пять, схоронил ее, дав себе слово всю свою жизнь посвятить воспитанию оставшихся после нее сирот, дочери и сына. В массе клятв, чаще других нарушаемых, первое место принадлежит клятве вдовца или вдовы не жениться или не идти замуж. Давая подобное обещание, люди морочат самих себя, действуя под влиянием скорбной минуты без малейшего помысла о будущем. Не прошло и года со дня смерти жены, как Бартоломео Капелло сознался, что он, обрекая себя на пожизненное вдовство, немножко погорячился и что взгляд на жизнь сквозь слезы по умершей жене не всегда бывает верен... К концу года Бартоломео вступил во второй брак с сестрою одного из своих сослуживцев. Вторая жена Капелло, выходя за него, дала ему в свою очередь клятвенное обещание, что падчерице и пасынку своим заменит родную мать, и солгала точно так же, как солгал супруг ее год тому назад. Как бы ни претендовали свекрови, тещи и мачехи на замену невесткам, пасынкам и падчерицам родных матерей, они никогда не могут заменить последних в моральном смысле, точно так же, как и в физическом, одна жизнь и одна мать у человека. Любить детей мужа от другой женщины, любить как своих родных – подобный подвиг вне женской природы. Мачеха может заботиться о пасынке или о падчерице, может воспитывать их, образовывать, беречь, ласкать... но любить, любить душевно так, как умеют любить только родные матери, – этого никакая мачеха в мире не может. Избави нас Бог попрекать женщин за это свойство их природы; напротив! Нам весьма понятны чувства неприязни, всегда отделяющие мачеху от сводных ее детей: последние – живые воспоминания о другой женщине, когда-то любимой мужем; черты их лица напоминают ему эту женщину; любя и лаская их, он как будто ласкает ту женщину; любовь к детям – продолжение его любви к той женщине... Эта любовь – огонь, перенесенный с потухшей светильни на новую. Что нужды, что от усопшей соперницы не осталось, может быть, и костей, когда на земле растут и цветут ее живые отрасли?... И более или менее искусно скрываемая ревность грызет сердце всякой мачехи при взгляде на детей мужа от первого брака. Это гадкое чувство удесятерится в мачехе при появлении на свет собственного, родного детища... Все это так обыкновенно, так естественно, до такой степени общее место в семейном быту народов, что и распространяться об этом нечего.

С появлением второй жены в доме Бартоломео Капелло для дочери его Бьянки и сына Витторио наступили черные дни, и над бедными детьми отяготела громовая туча. Ласковая первое время, молодая мачеха мало-помалу прибрала детей к рукам и взяла их, по нашему народному выражению, в ежовые рукавицы. Под предлогом исправления детей от их недостатков мачеха бранила их с утра до вечера; от брани перешла к побоям... Отец при первой своей попытке защитить страдальцев сам едва не подвергся их же участи и оставил их на произвол своей милой супруги... Росли Бьянка и Витторио как отверженцы в отцовском доме, завидуя его слугам. Характеры брата и сестры ожесточились; лукавство, скрытность – пороки, всегда развивающиеся в угнетаемых, – возражали в сердцах детей с каждым днем. Ненавидя мачеху, они питали к отцу совершенное презрение; многочисленная родня казалась им сонмом мучителей и палачей. Первая ласка детям была оказана чужим семейством Бонавентури, которое, видя их порабощение и пользуясь давностью знакомства с домом Капелло, приблизило к себе его детей, стараясь радушным своим участием вознаграждать их за тиранию мачехи. Это обстоятельство озлобило последнюю пуще прежнего, и обхождение ее с детьми дошло, наконец, до безобразия: она начала одевать их в лохмотья и морить голодом; била ежеминутно и без всякой причины. Синьор Бартоломео молчал, будучи сам под башмаком у жены.

Бьянке минуло шестнадцать лет, и, невзирая на каторжный образ жизни, она цвела красотой, и личико ее напоминало красавиц, которых бессмертили на полотне своих картин Тициан и Тинторетто. Новый источник гонений со стороны мачехи!.. Дорого готова была дать эта мегера, чтобы хоть каким-нибудь снадобьем обезобразить падчерицу. За каждый нечаянный взгляд последней на какого-нибудь молодого человека бедная красавица была вознаграждаема пощечинами, ударами плетки и осыпается ядовитыми упреками весьма цинического свойства... Мачеха без всякого основания ревновала Бьянку к ее родному отцу. Несчастной девушке оставались на выбор две дороги к избавлению от адской ее жизни: бегство из родительского дома или смерть. В раздумье над этим выбором застала Бьянку ее первая любовь, в которой она нашла отраду и спасение.

Пьетро Бонавентури, конторщик банка Сальвиати, вхожий в дом Капелло и дружки в нем принятый, страстно влюбился в Бьянку, которую знал с детства. Очарованная в свою очередь умом и красотой Пьетро, девушка отвечала ему взаимностью, и молодые люди блаженствовали, проводя очень искусно своих домашних аргусов. С помощью поддельного ключа Пьетро мог в ночную пору приходить к своей возлюбленной и уходить от нее, не замечаемый ни ее отцом, ни мачехой, ни братом Витторио. Но счастливая ночью, Бьянка в течение дня бедствовала по-прежнему, и ласки Пьетро, как ни были пламенны, не вознаграждали ее за те страдания, которые заставляла ее испытывать злодейка мачеха. Пришла пора серьезнее подумать о своем избавлении и изыскать способы к бегству из родительского дома. Пьетро взялся все устроить и, как человек практический, обделал дело как нельзя лучше. При всей своей нежности к Бьянке он очень хорошо понимал, что век аркадских пастушков прошел, что любовью сыт не будешь, и всего прежде позаботился о средствах для жизни в добровольном изгнании; средствами этими были брильянты матери Бьянки, хранившиеся под ключом ее мачехи, и банковая касса, ключ от которой был доверен Пьетро. Бонавентури уговорил свою возлюбленную решиться похитить свое сокровище и – относительно говоря – поступить по справедливости; сам же он отваживался на воровство, которое, даже по его личному мнению, ни под каким видом не могло быть извинительно. В случае поимки беглецов Бьянка могла быть оправдана, но Пьетро неминуемо ожидала виселица. Подобное разделение труда в опасном предприятии любовников во всяком случае делает честь Бонавентури и служит доказательством его любви к Бьянке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.